

бодное чтение авторов,¹ затрудненное полуумение писать, но также — что важнее всего — некоторый потенциал, унаследованный от левантинского типа образования семьи. Этот потенциал развернется и реализуется позднее в Лондоне.

2

Поэтому итальянистские следы в словоупотреблении Кантемира до 1732 г. случайны и не дают почвы для обоснованных выводов. За отсутствием установившейся традиции единообразного русского адекватного иностранных исторических имен, словоупотребление Кантемира колеблется. Иногда он воссоздает итальянскую форму; напр., в изъяснении к 1-й сатире в первой редакции 1729 г., изъяснении, написанном тоже еще в России, мы находим: Марко Тулий Цицерон (I, стр. 198), но какой отсюда возможен вывод, если рядом есть Иовиш (!), Дельфос, Виргилий, Бахус, Юпитер (!), Поппилиус и т. д. (I, стр. 195—203), т. е. чуть ли не все мыслимые типы воспроизведения? Разве только тот, что среди несовместимых элементов этого разнобоя мелькают и такие, которые свидетельствуют о наличии у Кантемира и итальянского (в числе прочих) речевого сознания.

Совершенно загадочен Странгурио в «Петриде» 1730 г.

Странгурио имя есть, римляне уж дали,
Запором мочи россы (впрядь себе) звать стали
(ст. 163—164).

Мы говорим не о нелепости олицетворения болезни, от которой умер Петр (у Сен-Сорлена, Шанелена и даже у Триссино есть и более нелепые), а о языковой странности. И по-латыни, и по-итальянски *stranguria* женского рода. Кантемир имеет в виду латинское слово («римляне» могло бы относиться и к современным жителям Рима, но «уж» не оставляет сомнения, что Кантемир думает о древних). Почему же он дает ему итальянскую форму мужского рода? Олицетворения бывали и женские (в незадолго до этого вышедшей «Генриаде» — *la Discorde, la Politique* и др.). Почему, далее, итальянское слово на — о он согласует всюду с женским родом?

¹ Знание Ариосто устанавливается из примечаний к переводу трактата Фонтенелля, 1730 (II, стр. 423—424).